

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.003

**Контент-анализ свободных ассоциаций «благополучие» и
«счастье»: двухкомпонентная модель****Давидюк Мария Владимировна**

Аспирант,
кафедра общей психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6
e-mail: v2396v@gmail.com

Аннотация

Представлены результаты эмпирической реконструкции спонтанной структуры представлений о психологическом благополучии личности методом контент-анализа свободных ассоциаций. Выборка – 202 респондента (146 женщин, 56 мужчин), вовлечённых в психологический дискурс. Выделены восемь семантических категорий. Показано, что ассоциативное поле «благополучия» тяготеет к ресурсно-стабилизационному полюсу («Материальный достаток/Финансы» – 61,4%, «Семья/Близкие» – 55,9%, «Спокойствие/Стабильность» – 48,5%), а поле «счастья» – к аффективно-интерперсональному («Радость/Эмоции» – 64,4%, «Семья/Любовь» – 60,4%, «Свет/Солнце/Тепло» – 28,2%). Зона пересечения полей, интерпретируемая как ядро психологического благополучия, образована категориями «Семья», «Спокойствие», «Работа/Самореализация» и «Успех». Предложена двухкомпонентная графическая модель.

Для цитирования в научных исследованиях

Давидюк М.В. Контент-анализ свободных ассоциаций «благополучие» и «счастье»: двухкомпонентная модель // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 7А. С. 31-40. DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.003

Ключевые слова

Психологическое благополучие личности, благополучие, свободные ассоциации, контент-анализ, счастье.

Введение

Понятие «психологическое благополучие личности», оставаясь центральным для позитивной психологии и смежных областей, сохраняет концептуальную неопределённость. Терминологическая триада «психологическое благополучие – субъективное благополучие – счастье» до сих пор не имеет конвенционального разграничения, что затрудняет сопоставление эмпирических результатов [Леонтьев, 2020; Шамионов, 2020; Осин, Леонтьев, 2024]. Остаётся открытым вопрос: исчерпывается ли психологическое благополучие объективными показателями (автономия, личностный рост, управление средой) или необходимым образом включает субъективное переживание счастья как своего эмоционального маркера?

Опираясь на подход Р.М. Шамионова, мы будем понимать психологическое благополучие личности как сложное интегративное образование, включающее эмоционально-оценочное отношение к себе и собственной жизни, переживание её осмысленности и направленности, а также способность к саморегуляции и реализации внутреннего потенциала в социальном контексте [Шамионов, 2020; Шамионов, 2024]. Данное определение, охватывая как субъективные, так и объективные аспекты благополучия, позволяет рассматривать его не в качестве статичной характеристики, а как динамическую систему, чувствительную к средовым и субъектным факторам.

Не претендуя на разрешение означенного концептуального противоречия, мы решаем более частную, но диагностически значимую задачу – реконструировать спонтанные представления о благополучии, опредмеченные в ассоциативных реакциях на слова-стимулы «благополучие» и «счастье». В академической традиции эти лексемы маркируют два подхода к пониманию благополучия – эвдемонический и гедонистический, – однако в обыденном языковом сознании их соотношение остаётся эмпирически не прояснённым. Метод свободных ассоциаций, позволяющий эксплицировать до-рефлексивные связи, даёт возможность зафиксировать не декларируемые, а реально действующие координаты понимания благополучного существования [Дружинин, Ушаков, 2023; МIRONENKO, 2018].

Благополучие и счастье в психологическом дискурсе

Следует подчеркнуть, что сам конструкт психологического благополучия личности, введённый в широкий научный оборот работами К. Рифф, изначально мыслился как многомерное образование, включающее шесть компонентов: самопринятие, позитивные отношения с другими, автономию, управление средой, цель в жизни и личностный рост [Ryff, 1989]. При этом, однако, в модели Рифф счастье как эмоциональное переживание не входит в структуру психологического благополучия, будучи отнесённым к иной – гедонистической – традиции, что и порождает ту самую концептуальную лакуну, которую мы пытаемся отчасти заполнить нашим исследованием.

Э. Динер, разрабатывая концепцию субъективного благополучия, напротив, включил аффективный компонент в качестве одного из трёх ключевых элементов наряду с удовлетворённостью жизнью, однако его модель описывает скорее переживание благополучия, нежели его личностные предпосылки [Diener, 1984; Diener, Oishi, Tay, 2018].

Р. Райан и Э. Деси, формулируя теорию самодетерминации, предложили рассматривать психологическое благополучие личности через призму удовлетворения трёх базовых потребностей – в автономии, компетентности и связанности, – однако и в этой влиятельной

модели вопрос о том, как сам человек, не вооружённый научным аппаратом, представляет себе благополучие, остаётся открытым [Ryan, Deci, 2001].

М. Селигман, стремясь преодолеть разрыв между гедонистическим и эвдемоническим подходами, разработал модель PERMA, включающую позитивные эмоции, вовлечённость, отношения, смысл и достижения, однако эмпирическая верификация того, насколько эта пятикомпонентная структура соответствует спонтанным представлениям реальных людей о психологическом благополучии, по-прежнему остаётся задачей, далёкой от завершения [Селигман, 2006].

М. Аргайл, систематизировавший обширный корпус исследований, также указывал на принципиальную невозможность редуцировать психологическое благополучие личности к какому-либо одному измерению, будь то доход, здоровье или удовлетворённость отношениями [Аргайл, 2003].

Д. Канеман и А. Дитон, проводя масштабное эмпирическое исследование, убедительно показали, что высокий доход улучшает общую оценку жизни, однако не гарантирует эмоционального благополучия, что ещё раз подтверждает многомерность интересующего нас конструкта [Kahneman, Deaton, 2010].

В недавнем обзоре К. Рифф с соавторами предложили интегративный взгляд на эвдемоническое и гедонистическое благополучие, подчеркнув, что их противопоставление перестало быть продуктивным и требуется поиск точек сопряжения двух традиций [Ryff, Boylan, Kirsch, 2025].

Парадоксальность соотношения объективных и субъективных индикаторов благополучия наглядно иллюстрируется так называемым «датским счастьем»: скандинавские страны на протяжении десятилетий занимают верхние строчки в мировых рейтингах удовлетворённости жизнью, однако одновременно демонстрируют одни из самых высоких в Европе показателей распространённости депрессивных расстройств и суицидального поведения. Данный разрыв между социальным благополучием и индивидуальным переживанием служит дополнительным аргументом в пользу многомерности конструкта и необходимости его изучения не только на макросоциальном, но и на индивидуально-психологическом уровне.

Отечественные исследователи также вносят вклад в прояснение соотношения ключевых понятий. Р.М. Шамионов, анализируя субъектные и средовые предикторы психологического благополучия, подчёркивает необходимость дифференциации субъективного и психологического благополучия не только на теоретическом, но и на операциональном уровне [Шамионов, 2024]. Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев, рассматривая дифференциацию смысла, счастья и благополучия, показывают, что за этими конструктами стоят качественно различные психологические реальности, смешение которых ведёт к терминологической путанице [Осин, Леонтьев, 2024]. И.А. Мироненко, разрабатывая методологические основания отечественной психологии, указывает на важность учёта культурно-специфичных аспектов благополучия, не улавливаемых универсальными опросниками [Мироненко, 2018]. А. Вежбицкая, проводя кросс-лингвистический анализ концепта «счастье», приходит к выводу о его культурной вариативности, что делает особенно важным обращение к эмпирическому материалу, полученному на русскоязычной выборке [Wierzbicka, 2004]. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелёв, исследуя ключевые идеи русской языковой картины мира, убедительно демонстрируют, что эмоциональные и ценностные компоненты образуют в ней уникальные, культурно обусловленные сочетания [Zalizniak, Levontina, Shmelev, 2005].

Таким образом, теоретическая рамка исследования задаётся, с одной стороны,

классическими моделями Рифф, Динера, Селигмана, а с другой – работами отечественных авторов, акцентирующих культурную обусловленность и многомерность психологического благополучия. Наша задача – опираясь на метод свободных ассоциаций, выявить, как эти теоретические конструкторы преломляются в спонтанных реакциях респондентов.

Метод и процедура исследования

Описывая эмпирическую базу предпринятого анализа, следует прежде всего оговорить границы, в которых полученные результаты могут претендовать на репрезентативность. Выборку исследования, сформированную методом добровольного участия, составили 202 респондента – 146 женщин и 56 мужчин – студенты творческих, технических, социальных и экономических профилей. Данный состав выборки, отражающий реальное гендерное распределение в современном российском психологическом сообществе.

Сбор данных проводился онлайн. Респондентам последовательно предъявлялись стимулы «Благополучие» и «Счастье» с инструкцией записать все возникающие ассоциации без ограничений по форме и количеству. Как отмечают В.Н. Дружинин и Д.В. Ушаков, метод свободных ассоциаций остаётся одним из наиболее чувствительных инструментов для выявления спонтанных представлений, поскольку минимизирует эффект социальной желательности и апеллирует к неотрефлексированным слоям значения [Дружинин, Ушаков, 2023]. А.Р. Лурия, разрабатывая метод сопряжённой моторной реакции, видел в аффективно окрашенных ассоциациях ключ к скрытым смысловым комплексам, и именно эта логика, перенесённая на анализ надындивидуального языкового сознания, направляет ход нашей работы [Лурия, 1998]. А.Г. Шмелёв, развивая традицию экспериментальной психосемантики, трактовал совокупность ассоциативных реакций как проекцию семантического поля, структура которого – от ядра к периферии – может быть реконструирована и проинтерпретирована в терминах личностных смыслов [Шмелёв, 2002].

После лемматизации и удаления единичных реакций массив был подвергнут открытому кодированию с последующим экспертным согласованием категорий и частотным анализом.

Результаты контент-анализа

Анализируя ответы на стимул «Благополучие», мы выделили восемь категорий, ранжированных по частоте. Ядро поля образовали: «Материальный достаток/Финансы» – 124 (61,4%), «Семья/Близкие» – 113 (55,9%), «Спокойствие/Стабильность/Уверенность» – 98 (48,5%). Далее следовали: «Здоровье» – 81 (40,1%), «Комфорт/Уют/Дом» – 74 (36,6%), «Счастье» (как ассоциат) – 58 (28,7%), «Работа/Самореализация/Успех» – 47 (23,3%) и «Гармония/Удовлетворённость» – 43 (21,3%).

Обращаясь к ассоциативному полю «Счастья», мы обнаружили принципиально иную структуру. Доминирующие позиции заняли: «Радость/Положительные эмоции» – 130 (64,4%), «Семья/Любовь/Отношения» – 122 (60,4%). Далее следовали: «Свет/Солнце/Тепло» – 57 (28,2%), «Спокойствие/Умиротворение» – 51 (25,2 %), «Путешествия/Свобода» – 38 (18,8%), «Благополучие» (как обратная ассоциация) – 32 (15,8 %), «Успех/Достижения/Мечта» – 29 (14,4%) и «Природа» – 24 (11,9%) (Таблица 1).

Графическая визуализация семантических полей в формате облаков слов представлена на рисунках 1 и 2. В облаках размер каждого слова пропорционален частоте его упоминания респондентами, а цвет кодирует принадлежность к одной из выделенных нами семантических

категорий, что позволяет одновременно оценить и структуру поля, и соотношение его элементов.

Таблица 1 – Сравнительная представленность семантических категорий в ассоциативных полях «Благополучие» и «Счастье» (n = 202)

Семантическая категория	«Благополучие»	«Счастье»
Материальный достаток/Финансы	124 (61,4 %)	–
Семья/Близкие	113 (55,9 %)	–
Спокойствие/Стабильность/Уверенность	98 (48,5 %)	51 (25,2 %)
Здоровье	81 (40,1 %)	–
Комфорт/Уют/Дом	74 (36,6 %)	–
Счастье (как ассоциат)	58 (28,7 %)	–
Работа/Самореализация/Успех	47 (23,3 %)	29 (14,4 %)
Гармония/Удовлетворённость	43 (21,3 %)	–
Радость/Положительные эмоции	–	130 (64,4 %)
Семья/Любовь/Отношения	–	122 (60,4 %)
Свет/Солнце/Тепло	–	57 (28,2 %)
Путешествия/Свобода	–	38 (18,8 %)
Благополучие (как ассоциат)	–	32 (15,8 %)
Природа	–	24 (11,9 %)

Примечание. Прочерк означает, что данная категория не достигла порога самостоятельного выделения.

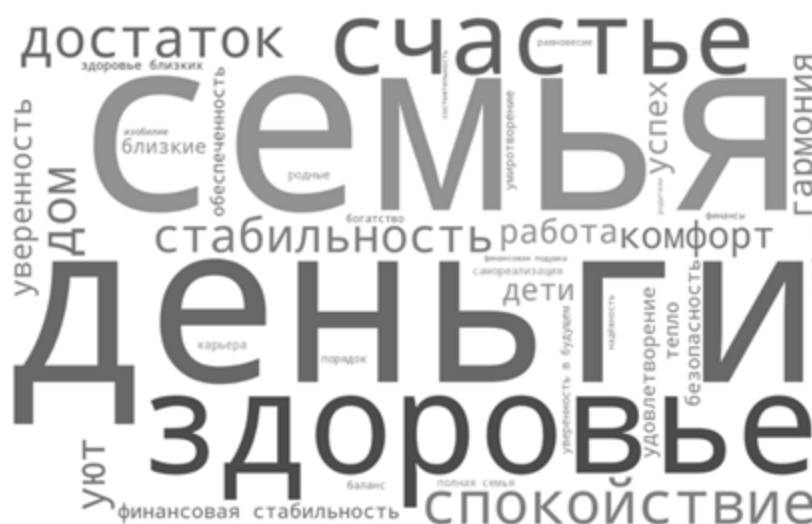

Рисунок 1 – Облако ассоциаций семантического поля «Благополучие»

В облаке «Благополучия» (рис. 1) центральное положение занимают «деньги», «семья», «здоровье» и «спокойствие», образующие массивное, тесно сомкнутое ядро, к которому тяготеют «счастье», «достаток», «дом», «стабильность» и «уют». Периферия поля представлена словами «уверенность», «работа», «гармония», «карьера»; при этом лексемы, маркирующие активность и достижение, заметно уступают по размеру лексемам стабилизационного ряда.

Облако «Счастья» (рис. 2) демонстрирует принципиально иную конфигурацию. Крупнее всего здесь проявлены «радость» и «семья», образующие плотный визуальный центр, за ними следуют «любовь», «спокойствие», «солнце», «смех» и «улыбка». Материальные ассоциаты, доминировавшие в предыдущем облаке, здесь уходят на дальнюю периферию, становясь едва

второго: радость, свет/солнце/тепло, путешествия / свобода, природа. Зона пересечения – «Семья/Близкие», «Спокойствие/Стабильность», «Работа/Самореализация», «Успех» – интерпретируется нами как эмпирическое ядро психологического благополучия личности.

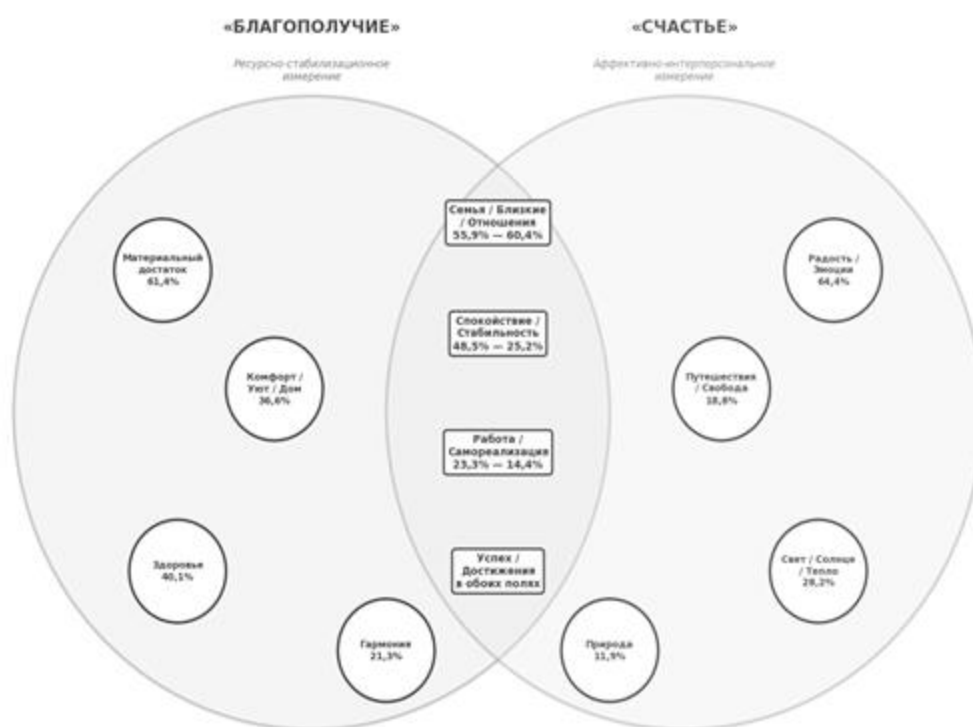

Рисунок 3 – Двухкомпонентная модель психологического благополучия личности в имплицитных представлениях

Выявленная дихотомия созвучна классическому разделению гедонистического и эвдемонического подходов, однако с одним существенным уточнением. В модели К. Рифф компонент «позитивные отношения с другими» отнесён к эвдемоническому полюсу, тогда как в нашем исследовании семья и близкие отношения оказались значимо представлены в обоих полях (55,9 % и 60,4 % соответственно). Это позволяет предположить, что в спонтанной картине мира именно межличностные отношения выполняют функцию моста между двумя измерениями, удерживая их в связке, – вывод, согласующийся с интегративной логикой недавнего обзора К. Рифф с соавторами [Ryff, Boylan, Kirsch, 2025].

Примечательно и то, каким образом профессиональный психологический дискурс проявляет себя в спонтанных ассоциациях. Отдельные психологизированные термины – «осознанность», «ресурс», «принятие себя» – присутствуют в массиве ответов, однако их частотность остаётся на периферии. Данный факт перекликается с выводами Т. Ломаса и И. Ивтцана, показавших на материале корпусного анализа, что язык позитивного дискурса в публичном пространстве значительно расходится с академической терминологией благополучия [Lomas, Ivztan, 2024]. И.А. Мироненко также указывает на устойчивость культуральных и архетипических структур к влиянию профессиональной социализации [Мироненко, 2018]. Р.М. Шамионов, в свою очередь, подчёркивает необходимость различения декларируемого и реально действующего уровней представлений о благополучии [Шамионов, 2024].

Заключение

Ограниченный объём настоящей статьи исключает возможность широких обобщений, однако полученные результаты позволяют зафиксировать двухкомпонентную структуру спонтанных представлений о психологическом благополучии. Тот факт, что модель воспроизвелась на разнородной выборке (психологи, представители творческих, технических, социальных профессий), свидетельствует, по-видимому, в пользу её устойчивости. Психологический дискурс, в который погружена сегодня широкая аудитория, возможно, не формирует эту модель, а даёт язык для артикуляции того, что уже существует на дорефлексивном уровне, – вывод, созвучный результатам Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева о необходимости различать смысл, счастье и благополучие как качественно различные психологические реальности [Осин, Леонтьев, 2024].

Полученные результаты, составляя часть более широкого диссертационного исследования, посвящённого психологическому благополучию личности, позволяют рассматривать выявленную двухкомпонентную модель как эмпирически обоснованную гипотезу, задающую направление дальнейшему анализу. Обнаруженный зазор между академическим и обыденным пониманием благополучия ставит, вместе с тем, вопрос, выходящий за рамки сугубо теоретического интереса: в какой мере существующие инструменты диагностики психологического благополучия охватывают ту реальность, которую сами респонденты вкладывают в слова «счастье» и «благополучие», и не оказывается ли значительная часть этой реальности систематически упущенной? Двухкомпонентная модель, таким образом, не столько отвечает на вопрос о структуре психологического благополучия, сколько очерчивает пространство, в котором этот ответ предстоит искать – пространство, образованное напряжением между стабильностью и радостью, достатком и смыслом, предсказуемостью и свободой.

Библиография

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
2. Дружинин В.Н., Ушаков Д.В. Метод свободных ассоциаций в исследовании имплицитных представлений: современное состояние // Вопросы психологии. 2023. № 4. С. 78–90.
3. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
5. Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2018. 320 с.
6. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смысл, счастье и благополучие: дифференциация и взаимосвязи // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 5–18.
7. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
8. Шамионов Р.М. Психологическое благополучие личности: субъектные и средовые предикторы // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 2. С. 15–27.
9. Шамионов Р.М. Субъективное и психологическое благополучие: дифференциация и соотношение // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 4. С. 400–406.
10. Шмелёв А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
11. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542–575.
12. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research // Nature Human Behaviour. 2018. Vol. 2. P. 253–260.
13. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. № 38. P. 16489–16493.
14. Lomas T., Ivtzan I. The language of well-being: A corpus-based analysis of positive discourse // Journal of Positive Psychology. 2024. Vol. 19. № 2. P. 178–195.
15. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: a review of research on hedonic and eudaimonic well-being

- // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 141–166.
16. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. № 6. P. 1069–1081.
17. Ryff C.D., Boylan J.M., Kirsch J.A. Eudaimonic and hedonic well-being: An integrative perspective // Annual Review of Psychology. 2025. Vol. 76. P. 321–345.
18. Wierzbicka A. «Happiness» in cross-linguistic and cross-cultural perspective // Daedalus. 2004. Vol. 133. № 2. P. 34–43.
19. Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian linguistic picture of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 544 p.

Content Analysis of Free Associations of "Well-Being" and "Happiness": A Two-Component Model

Mariya V. Davidyuk

Postgraduate Student,
Department of General Psychology,
Saint Petersburg State University,
199034, 6, Makarova Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v2396v@gmail.com

Abstract

The results of an empirical reconstruction of the spontaneous structure of ideas about the psychological well-being of the individual by the method of content analysis of free associations are presented. The sample comprised 202 respondents (146 women, 56 men) involved in psychological discourse. Eight semantic categories were identified. It is shown that the associative field of "well-being" gravitates toward the resource-stabilization pole ("Material prosperity/Finances" – 61.4%, "Family/Close ones" – 55.9%, "Calmness/Stability" – 48.5%), while the field of "happiness" gravitates toward the affective-interpersonal pole ("Joy/Emotions" – 64.4%, "Family/Love" – 60.4%, "Light/Sun/Warmth" – 28.2%). The intersection zone of the fields, interpreted as the core of psychological well-being, is formed by the categories "Family," "Calmness," "Work/Self-realization," and "Success." A two-component graphical model is proposed.

For citation

Davidyuk M.V. (2026) Kontent-analiz svobodnykh assotsiatsiy «blagopoluchie» i «schast'e»: dvukhkomponentnaya model' [Content Analysis of Free Associations of "Well-Being" and "Happiness": A Two-Component Model]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (7A), pp. 31–40. DOI: 10.34670/AR.2026.22.74.003

Keywords

Psychological well-being of the individual, well-being, free associations, content analysis, happiness.

References

1. Argyle M. (2003) *Psikhologiya schast'ya* [The Psychology of Happiness]. Saint Petersburg: Piter, 271 p. (In Russian)

2. Druzhinin V.N., Ushakov D.V. (2023) Metod svobodnykh assotsiatsiy v issledovanii implitsitnykh predstavleniy: sovremennoe sostoyanie [The method of free associations in the study of implicit representations: current state]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], (4), pp. 78–90. (In Russian)
3. Leontiev D.A. (2020) Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], (1), pp. 14–37. (In Russian)
4. Luria A.R. (1998) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow: Moscow State University Publishing, 336 p. (In Russian)
5. Mironenko I.A. (2018) *Rossiyskaya psikhologiya v prostranstve mirovoy nauki* [Russian Psychology in the Space of World Science]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 320 p. (In Russian)
6. Osin E.N., Leontiev D.A. (2024) Smysl, schast'e i blagopoluchie: differentsiatsiya i vzaimosvyazi [Meaning, happiness and well-being: differentiation and interrelations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 20(3), pp. 5–18. (In Russian)
7. Seligman M. (2006) *Novaya pozitivnaya psikhologiya: nauchnyy vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment]. Moscow: Sofiya, 368 p. (In Russian)
8. Shamionov R.M. (2024) Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti: sub"ektivnye i sredovye prediktory [Psychological well-being of the personality: subjective and environmental predictors]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 45(2), pp. 15–27. (In Russian)
9. Shamionov R.M. (2020) Sub"ektivnoe i psikhologicheskoe blagopoluchie: differentsiatsiya i sootnoshenie [Subjective and psychological well-being: differentiation and correlation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 20(4), pp. 400–406. (In Russian)
10. Shmelyov A.G. (2002) *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of Personality Traits]. Saint Petersburg: Rech', 480 p. (In Russian)
11. Diener E. (1984) Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), pp. 542–575.
12. Diener E., Oishi S., Tay L. (2018) Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, 2, pp. 253–260.
13. Kahneman D., Deaton A. (2010) High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(38), pp. 16489–16493.
14. Lomas T., Ivtzan I. (2024) The language of well-being: A corpus-based analysis of positive discourse. *Journal of Positive Psychology*, 19(2), pp. 178–195.
15. Ryan R.M., Deci E.L. (2001) On happiness and human potentials: a review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52, pp. 141–166.
16. Ryff C.D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), pp. 1069–1081.
17. Ryff C.D., Boylan J.M., Kirsch J.A. (2025) Eudaimonic and hedonic well-being: An integrative perspective. *Annual Review of Psychology*, 76, pp. 321–345.
18. Wierzbicka A. (2004) «Happiness» in cross-linguistic and cross-cultural perspective. *Daedalus*, 133(2), pp. 34–43.
19. Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 544 p. (In Russian)